

2012-10-29 ПРЕДШЕСТВИЕ

Глазами писателей и очевидцев

Споры о закономерности Великой Октябрьской социалистической революции не утихают. Чтобы лучше понять прошлое, получить о нём верное представление, следует обратиться к различным источникам. Существенное значение из них имеет художественная литература и документальная публицистика, содержащие в своих произведениях неповторимые черты эпохи.

Среди произведений, из прочтения которых можно сделать вывод о неизбежности и закономерности Октября 1917 года, я поставила бы первым стихотворение в прозе Тургенева: барыня пришла выразить сочувствие своей крепостной, только что похоронившей единственного сына. Войдя в избу, она увидела, что крестьянка, стоя перед столом, ложкой из чугунок хлебаёт щи, и возмутилась: как ты можешь?.. Крестьянка ответила, что без сына она не выживет, пропадёт, но щам пропадать нельзя: «Они же посолённые!». Барыня не поняла. Тургенев пишет: «Ей-то соль доставалась дёшево».

Со времени того стихотворения «много воды утекло», многое изменилось, и хотя крестьяне получили свободу, лёгкой их жизнь назвать было никак нельзя.

О жизни простых людей – крестьян, рабочих написано много Чеховым, Л. Толстым, Короленко, Лесковым... Мне хочется привести несколько примеров из произведений нашего земляка, писателя и поэта И.А. Бунина.

Вспомните короткий рассказ «Танька», изданный в 1892 году, во время очередного голодного года (1891-1892) в центре России. Деревенская семья, - девочка лет десяти, мальчик моложе, мать. Отец где-то на заработках, скорняк. Когда приходил домой, говорил, что везде «беда» - полушубков не шьют, больше помирают. Корова продана,

лошадь – тоже. Бунин описывает случай, когда старый барин, проезжавший мимо, взял Таньку к себе домой. Покормил, играл ей на гитаре, пел... «Он глядел на задрёмывавшую Таньку, и ему стало казаться, что это она, уже молодой деревенской красавицей, поёт вместе с ним песни. Деревенской красавицей! А что ждёт её: что выйдет из ребёнка, повстречавшегося лицом к лицу с голодной смертью?». «Он вспомнил соседние деревушки, вспомнил их обитателей. Сколько их, таких деревушек, - и везде они томятся от голода».

И уже не в голодные годы, в рассказе «Деревня» (1909 год), на ярмарке (похоже, что в Ельце), богатый мужик размышляет: сколько зерна привезли на ярмарку, половину России кормят, а хорошо, если в этом городе хоть сто человек досыта хлеб едят!

Заканчивая стихотворение «Деревенский нищий» о старике-инвалиде, бродящем по сёлам с просьбой о подаянии, Бунин пишет:

«Грустно видеть, как много страданья,

И тоски, и нужды на Руси».

Это потом уже, после революции, в «Окаянных днях», написанных в Одессе 1920 года – полная противоположность отношения к бедноте. Для высокообразованного барина, конечно, признать человеческое равенство с неграмотными крестьянами, было катастрофой. И место жалости занимает ненависть. Поступить своим положением в обществе, лишиться пусть обветшалого, но - поместья, ради тех, кого он считал несчастными, но людьми значительно ниже себя, талантливому писателю оказалось не под силу.

В период голода воронежский писатель А.И. Эртель организовал помощь голодающим крестьянам, обратившись с письмом в газету «Русские ведомости». Многие стали присылать деньги, на них организовали столовые в восемнадцати селениях. В это время помогал крестьянам и Л.Н. Толстой. В 1892 году выезжал в Нижегородскую, а позже и Воронежскую губернию для организации помощи голодающим А.П. Чехов.

Засуха, а, значит, и голод, периодически посещали Россию. Страшный голод был в 1891-1892, 1896-1897, в 1912 году, когда вымирали от голода целые сёла...

О голоде в Воронежской области отдельная глава в воспоминаниях Зинаиды Сергеевны Соколовой (родной сестры К.С. Станиславского). «...Голодающих, нужды целое море! А сколько недоброжелателей у деревни, сколько критиканствующих, иронизирующих! А сколько палок в колёса вставляет нам правительство. Как не возмущаться правительственной политикой! «Кормить, устраивать столовые незаконно и воспрещается! Нет голода! Лошади не падают, семян хватит» и прочие небылицы, которыми старались усыпить совесть сограждан, отгородиться от сделанных ошибок, заслонить крестьянскую темноту, нищету, малоземелье».

«Среди зимы в Воронеж приехали курсистки и студенты, чтобы принять участие в помощи голодающим. Местный губернатор взял с приехавших слово, что они не уедут из города в деревни, пока он сам «не откроет голода». До апреля «помпадур» голода не видел...». «Но вот «голод открыт». Не хватает ни людей, ни хлеба, средств и подавно».

Весной 1897 года выдача «зерна» у амбара. «Приём у амбара, на дворе.... Толпа тесно окружает нас... С плотины идут всё новые и новые «получатели»... «Всё те же просьбы, всё те же заботы, то же горе: нет хлеба, нет семян, картофеля, нечего продавать, не знаешь, за что и взяться, - вот что слышишь и у стола, и у колодца, амбара, везде, везде... Если и увидишь смеющиеся два-три лица, то и тут смех этот на ту же тему – ирония над своим положением. Невольно приходят на ум некрасовские слова: «Вот где надобно учиться - верить и терпеть».

Поучительны записки княгини М.К. Тенишевой. «Близ Екатеринослава находился металлургический завод, принадлежавший Брянскому обществу, председателем правления которого был мой муж, и под его руководством дело это процветало и получило огромное развитие».

«Я заинтересовалась заводом, стала расспрашивать о нём, изучать быт и условия жизни рабочих и экономическое положение их» «...и понемногу передо мной развернулась целая картина истинного положения рабочих на заводе». «Кто же, как не они, дал этим деятелям, да и мне с мужем, благосостояние? Кто от этих тяжёлых трудов, пота и мозолей получал львиную долю? Конечно, - мы все...

А что было дано этим немым, безымянным труженикам взамен пролитого пота, утраченных сил, преждевременной старости? Кто до этой поры позаботился о них? Об улучшении их жизни, их детях? Кто прислушался к их голосу, их жалобам, их нуждам? Никто... Верхи неумолимо попирали низы с какой-то жестокостью, не оглядываясь по сторонам».

«На двадцать тысяч жителей заводского населения была всего одна школа на четыреста человек. Учитель – он же заведующий школой – был человек узколобый, тоже сытый, слепой и глухой до всего живого. В его руках была торговля учебными пособиями, тетрадями, карандашами, учебниками. Он тоже наживался, сделав из этого монополию». «В школу попадали дети исключительно богатых мастеров, и как бы ни был способен ребёнок, это не принималось в расчёт, если отец его не был достаточно зажиточным».

«Условия жизни рабочей семьи были тяжёлые. Рабочие жили в огромных двухэтажных деревянных казармах, разделённых на множество мелких квартир, в которых помещались две, а часто даже и три семьи. Вокруг этого тесного и неопрятного жилища ютились наскоро, кое-как сколоченные хлевки для коров и свиней, расточая зловоние и непролазную грязь вокруг».

Через несколько лет М.К. Тенишева поселилась в селе Талашкино.

«Как-то совестно было жить в убранных и довольстве и равнодушно терпеть кругом себя грязь и невежество и непроглядную темноту», «...и совсем уж было противно в разговорах со многими из богатых помещиков нашего края слушать, как эти люди, часто без милосердия притеснявшие мужиков, называли их «серыми», презирали и, как заводские деятели когда-то в Бежеце, видели только во всём себя и свою выгоду»

Зиму 1915-1916 года уже вдова, княгиня Тенишева прожила в Москве.

«В течение этой зимы мне удалось ближе познакомиться с некоторыми слоями современного московского купечества и изучить их нравы». «Та часть московского

купечества, с которым я столкнулась, живёт очень богато, в больших хоромах, дворцах». «Кушает он (купец – Г.Э.), несмотря на дороговизну продуктов и войну, много и хорошо».

«Родина, религия, долг давно уже сделались у нас только словесной формой. В эту торжественную одежду облачается большинство наших так называемых государственных деятелей в тех случаях, когда нужно им прикрыть своё духовное убожество или затушевать свои низменные, мелкие и эгоистические страстишки.

«Оказывается, в Курске теперь стало семь уполномоченных по снабжению населения продуктами, и в то же время в Курске нет ни масла, ни дров, ни муки?! В Смоленске дело продовольствия обстоит не лучше. Такая же неурядица, отсутствие жизненных продуктов, хвосты у лавок в двадцать с лишним градусов мороза. ... в этих хвостах стоят несчастные матери семейства, бросившие своих детей дома на произвол судьбы» «между стоящими видны детские головки 8-9 лет, дрожащие, посиневшие от холода старухи. Весь этот люд иногда уходит неудовлетворённым за неимением достаточных запасов, и после пяти-шести часов стояния лавку запирают у них перед носом...».

В июле у нас пронёсся слух, что в интендантских складах сгноили 5 тысяч пудов мяса, а затем тут же была объявлена в нашем уезде реквизиция скота».

В имении Флёново, принадлежащем М.К. Тенишевой, расположилась организация, называемая конский Красный Крест. Тенишева пишет: «Наш веселящийся Красный Крест, засевший во Флёнове, представлял весьма неприятное соседство». «Его персонал, в составе около 150 человек, жили во Флёнове припеваючи. К этим господам на дачу съехались их жёны с семьями. Песни с утра до ночи так и лились со всех сторон, пьянство и разгул царили вовсю...

О священном долге перед родиной или патриотизме вокруг нас и речи быть не могло. Эти чувства при общем бесшабашном настроении казались почти смешными, каким-то абсурдом».

Тенишева писала: «Удешаженные барыши фабрикантов и мануфактуристов представляют поразительный контраст с жалким положением сельских хозяев,

разоряющихся дотла во имя спасения отечества. В деревне остались лишь дряхлые старики, бабы да малые ребята. Надо прибавить ещё, что остались только многосемейные бабы, робкие, а пошустрее девки да бабы побросали свою землю и ушли на заработки в города. Деревня окончательно осиротела, осиротела и крестьянская семья». «После нескольких реквизиций в деревнях почти не осталось скота...». «Твёрдые цены установили только на хлеб и на скот, т.е. на то, что крестьяне производят, а на то, что они покупают, твёрдых цен нет, и с них дерут за всё три шкуры».

«Атмосфера всё больше и больше сгущается, зловещее, глухое недовольство растёт. Дальше идти некуда, тёмные силы довели Россию до порога гибели».

«Та часть общества, которая призывала к верности царю, сама ни во что уже не верила. Не было времени, и можно было узнать его скорость лишь в быстрой смене министров и росте цен. В тишине безвременья каждый давно уже стал отворачиваться от забот государственных и жил интересом личным: все грабили. Это привело к недостатку продуктов в городах и армии. Недостаток хлеба вызвал бунт солдат и рабочих».

Но и буржуазное Временное правительство, пришедшее на смену самодержавию, не решило ни одной из насущных проблем.

«На меня, приехавшую из провинции, сильнейшее впечатление производит выступление Керенского... Но мало-помалу и мной овладевает то же странное состояние: это не жизнь, это слова в театре, хорошие слова, которые останутся словами театра»

«Керенский и Чернов становятся палачами. И делают они совершенно то же, что и буржуазия, заменяя название целей — «незыблемая основа трона», «священная прерогатива монарха» и проч., своими названиями: «завоевания революции, основы демократии» и проч. Изменяются слова и формы, сущность остаётся совершенно одинаковой».

«Брошена земля, хозяйство, промышленность, семья, всё опустело, всё расщепилось, закрыты университеты, еле-еле живут люди в городах, получая половину фунта хлеба в день».

«Движение началось уже с первых дней революции, и победа большевиков уже тогда была предопределена».

Подготовила Г.С.Эрдели,

доцент ВГУ